

В чём ценность твоей жизни?

КНИЖНЫЙ ЗАГОВОР

Ли Апен

18+

Ли Ален

Книжный заговор

<https://litres.ru/74584424>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Меркантии всё имеет свою цену. Здесь монеты определяют положение в обществе, открывают двери и позволяют получить то, о чём другие могут лишь мечтать. Зелёные, красные или чёрные — самые ценные. Хочешь стать главой района, получить расположение — не вопрос. Хочешь привлечь больше клиентов — тоже возможно. Просто купи чью-то душу.

Это даже никого не пугало, напротив, мерканцы жили так уже сотни, тысячи лет.

Велия Кроу прекрасно существовала в этом мире, вызволяла украденные души, получала за них высшую плату. Она обучалась магии много лет и теперь посвящала этому каждый день. В конце концов, зачем ей что-то ещё? Никакой личной жизни, никаких планов и интересов.

Но что случится, когда Велия наконец возьмет пару выходных?

Содержание

Пролог	4
Глава какая-то	6

Ли Ален

Книжный заговор

Пролог

*Найди для себя то, что нельзя
будет купить ни за какие монеты.
В нашем мире душа ничего не стоит.
Значит, ты должна найти нечто
особенное, что-то, что станет
настоящей ценностью для тебя.
Без чего твои дни будут сочтены.
Магнус Кроу Ли Амс*

— Велия! — позвала мать.

Я повернулась, но даже не могла различить её фигуры. Глаза застилала пелена. Я уже в десятый раз икала, пытаюсь вдохнуть побольше воздуха, но почему-то никак не получалось. Боль в груди разрасталась, пускала корни, становилась всё сильнее. И не было этому конца.

— Тебе письмо, — голос стал ближе. Я лишь подняла голову, не в силах пошевелить телом. Изящная рука матери держала небольшой бумажный конверт.

Я знала, от кого он. В углу красовалась крупная размашистая подпись моего дедушки. Я замотала головой. Казалось,

если прочесть, то это станет реальностью. Сейчас его смерть ощущалась как что-то далекое, до чего я не могу дотронуться. Но это письмо он писал, когда ещё был жив, дышал на эту бумагу, может, оставил маленький волосок.

Тогда мне думалось, что ещё можно что-то изменить, можно продлить чью-то жизнь. Я ошибалась.

Только спустя два года я наконец вскрыла конверт. И иногда я вспоминаю эти слова — его последнее послание. Но почему-то так и не смогла найти свою *ценность*.

Пока.

Глава какая-то

Пробираться сквозь лесостепь было самым сложным в работе. Не считая момента, когда твоя душа прилипает к чужой. Никогда не знаешь, что тебя ждет по ту сторону, с какой материей столкнёшься сегодня.

Всегда было интересно понять, почему нам не выдали каких-то способностей по перемещению. Как у тех, кто ворует этих уважаемых особ, которых мне день за днём приходится вызывать. Может, если бы я перемещалась по миру не на своих двоих, а хотя бы на гилантах¹ — всё было бы намного проще.

Хотя гиланты мне не по душе. Как вообще кому-то могут нравиться эти гиганты, скрывающие свою узкую голову и многочисленные мелкие зубы за образом бабочки? Помню, как в детстве я впервые увидела чёрно-зелёное пятно в небе и была в таком восторге, пока эта тварь не подлетела ближе. Её крик был слышен за несколько километров, она предупреждала людей о своём появлении. Мать затащила меня повыше, подальше от берега, на который приземлилось это существо. Стоило только его крыльям коснуться песка, как из-под туловища вынырнула длинная острая голова, сверк-

¹ Гилант — мифическое существо мира Меркантии, сочетающее в себе черты птеродактиля: его размеры, место обитания, рацион. Но в полёте выглядит как огромная бабочка.

нув многочисленными зубами.

Брр...

— Хватит ныть, Велия — пробурчала Кассандра.

— Я молчала.

— По твоему лицу видно, как ты жалеешь, что опять взяла кого-то в работу. Как мир несправедлив к тебе и всё в этом роде, — махнула рукой моя спутница, моя подруга, моя коллега. Или как говорят в других мирах: мой менеджер.

— По лицу невозможно распознать, о чём думаю, — парировала я.

— Ну, значит, у меня дар, — она подпрыгнула и хлопнула ногами в воздухе, как чёртов разбойник.

Мы шли через Рубленый лес уже третий день. Назывался он так, потому что ни у одного дерева не было макушки. Да что там, почти ни одно дерево не имело листьев. По старым поверьям, всё срубили тысячи лет назад и продали в иные миры.

Очень похоже на правду, учитывая, что в Меркантии, в отличие от других вселенных, сражались не за престол, не за любимых, не за честь и достоинство, а за монеты. Красные, зелёные, чёрные — самые ценные. Порой это даже не нужно было для выживания, просто все привыкли набивать свои сундуки металлическими кругляшками. Каждый соревновался с соседом, главой деревни и всей Меркантии в достатке.

Люди каждый день придумывают, на чём заработать по-

больше: отмывать пятки детям, чтобы их путь в жизни был чище и безопаснее; или создавать своей магией вещи, предметы интерьера, которые исчезнут через пару лет. С точки зрения мусора, этот вариант мне нравился, но покупать каждый раз заново одно и то же — не прекрасное ли это описание круговорота монет в нашем мирке?

Или то, с чем имею дело я — вызволяю людей из книжных магазинов и лавок. С последними обычно дела обстоят легко. Какой-то простодушный владелец, пытающийся свести концы с концами, обращается к неместериям². Те воруют душу влиятельного человека и продают её.

«Когда нужно, ты просто позови, когда нужно, ты просто попроси».

Запись в Книге Рождения³.

Звучит хорошо, на деле — полная ересь. Я читала не одну такую книгу, ведь в моей работе важно понять, почему была украдена душа того или иного человека. Что могло быть интересного в его Книге Рождения. И я не знаю никого, кто бы обратился к неместериям за чем-то, кроме ворованных душ. Мы тоже обращались к ним. Я и такие ищейки, как Кассандра, вынуждены были иногда встречаться лицом к лицу с торговцами душ.

² Неместерии — редкий тип людей способный беспрепятственно проникать в чужие владения, околдовывать разум человека и запирать его душу в сосуд.

³ Книга Рождения — книга созданная тысячи лет назад, передающаяся из поколения в поколение. Каждый житель Меркантии может обратиться к ней, чтобы познать новое или ознакомиться с законами мира.

Они никогда не размещались в одном месте, стоило только попросить их прихода, как вокруг тебя незаметно раздвигались дома. Ты словно попадал на новую улицу, хотя всё ещё стоял на том же месте. Они как бы создавали новый городок внутри твоего собственного. И даже там нельзя было просто так постучать в любую дверь и получить желаемое. Тебя гоняли из киоска к киоску, пока ты наконец не встречал нужного неместерия и не покупал у него долгожданный сосуд.

Все неместерии отличались по рангу, ровно как и люди. Чем больше чёрных монет ты имел, тем к более опытному продавцу мог обратиться. Тебе подберут подходящий «товар». А ещё можно сделать заказ. Заполучить чью-то душу. Определенную душу.

Но такое способны провернуть лишь высшие из категории неместерий, те, кто стал настоящим наёмником. Ведь неместериями не рождались, ими становились. Любой ребёнок мог обнаружить в себе это влияние, эту нить внутри, которая зовёт тебя перейти на другую сторону. Скрыться от мира людей и погрузиться во мрак, взять на себя тяжелую ношу. Но также как и принять — любой мог стряхнуть с себя эту нить, как сделала когда-то я.

В нашей семье последние три поколения такой запрос получали старшие девочки. В восемь лет ребёнок чувствовал, как сдавливают грудь и что-то тянет его выбраться из дома, пойти в лес, бежать по тропе. В никуда. И если твоя семья

имеет достаточно знаний, а в вашей Книге Рождения прописан алгоритм отказа, то разорвать эту связь не составляет особого труда.

Другое дело, когда семья впервые сталкивается с этим запросом: ребёнок может просто не успеть среагировать. Или, как бывает чаще всего, для семьи — честь, что в такие сильные существа выбрали их деточку. В течение десяти лет семье будут платить по три чёрные монеты в месяц. На них можно неплохо устроиться, купить дом в районе с инфраструктурой, где не придется добираться до рынка целый час. Или если ты уже живешь в неплохом месте, можешь вложиться в строительство нового районного центра, став почетным гражданином. Пожить жизнью, где к тебе будут относиться с уважением, а не как к человеку, с которого и поиметь-то нечего.

Однако дальше всё будет зависеть от отпрыска. Захочет ли он отправлять тебе чёрные монеты или заставит довольствоваться красными, а то и зелёными. Хотя, мне кажется, у неместерий вообще не бывает зелёных монет. Зачем в их спрятанном городке такие пустышки? С клиентов они требуют только самые ценные монеты, а в наших краях обычно расплачиваются красными.

Но не мне судить. Я сама не берусь за дела, если мою работу не способны оплатить как подобается. Всё зависит от сложности души: чем влиятельнее семья, тем дороже душа кого-то из них. Если ты популярный, будь добр, следи за сво-

ей защитой или какой-нибудь средний неместерий с удовольствием возьмётся за заказ.

Конечно, никто не может просто так получить чью-то душу, иначе мы бы все уже давным-давно были проданы друг другу. Низшие неместерии имеют в своём арсенале только те души, что им отдали добровольно, или те, что они сняли с покойников. Покойники же могли быть защищены и не давали согласия при жизни на вечное кочевание их невидимой части. Незащищённых неместерии делили пополам, если на кладбище было найдено пять тел, а на зов пришли два неместерия: один забирал троих и должен был в следующий раз уступить другому неместерию.

На захват души это не распространялось. Не все неместерии имели достаточно энтузиазма и стержня, чтобы улучшать свои навыки, став настоящими специалистами. Может, это было хорошо, мне и так приходилось вызволять души нескольких людей за месяц. А сколько ещё таких элант⁴, как я, развивших свои способности, выполняют похожую работу.

— *Только представь: вас всего около ста, доподлинно неизвестно, — начала Кассандра. — Если каждый спасёт хотя бы двоих за месяц, за год получится 24 человека. Умножаем на сто, получается почти две с половиной тысячи*

⁴ Эланта — человек, получающий или рождающийся с редким даром. Помогает душам обрести покой, вернуться домой или воскрешает тех, кто после ухода в загробный мир — захотел вернуться.

душ!

Глаза подруги блестели так, словно именно в этом она нашла своё предназначение. Не поиск — с ним у неё и так всё было понятно. Спасение — то, что стало её *ценностью*.

Я свою ценность так и не нашла. Да, я спасала людей, выполняла основную часть работы, без которой весь смысл, всё то, чем занималась до этого Кассандра, — просто испарилось бы. Иногда получала слова благодарности, и это было очень приятно. Но, закрывая за собой дверь, я ощущала лишь как моё эго в очередной раз потешилось. Не чувствуя при этом настоящего удовлетворения.

Монеты тоже не приносили мне заветного чувства. С ними было гораздо проще жить, но...

— Вот сейчас ты думаешь о монетах, — прервала мои размышления подруга.

Я нахмурилась. Сделала ещё несколько шагов и остановилась.

Кассандра же продолжала идти вперёд размеренными шагами.

— Если тебе не нравится, что я такая, как ты говоришь, пессимистичная, — на последнем слове я повысила голос, чтобы Кас остановилась. — Мы можем просто не работать вместе.

— Ха, — смешок сорвался с ее губ, и за несколько мгновений она оказалась рядом. Её широкая улыбка озарила лицо. Мне не нравилась эта улыбка. Я уже и так знала, что по-

жалею о сказанных словах.

В последний раз она оставила меня в горах на два дня. А когда я всё-таки добралась до нужного места — Кас просто села на лошадь и ускакала вперёд, заставляя меня идти по её следам. Я могла выжить в походных условиях, почти в любых условиях. Но Кассандра делала эти условия в разы лучше. Она таскала за собой палатку, не пропускающую влагу, ветер и холод. Всегда носила и добывала достаточно еды, если вдруг мои силы дадут сбой или я потрачу на вызволение души слишком много ресурсов. Она делала всю грязную работу, лишь бы я не выползала потом на четвереньках и не уснула истощенная в каких-то кустах по пути обратно. И чтобы меня не заметил какой-нибудь потерявшийся гилант и не сожрал своими ста сорока пятью зубами.

Подруга ещё раз прошла взглядом по моему лицу, прежде чем отступить. Медленно повернувшись она двинулась в том же направлении. Я молча пошла за ней. В такие моменты я чувствовала себя чертовски маленькой, хотя мы были с Кас почти одного роста. Но её телосложению позавидовали бы многие: крепкие накачанные ноги, не от того, что она тренировалась, просто выросла в рабочей семье, где вместо игр дети помогают родителям. Ровная спина и мощные мышцы рук, выгодно подчеркивались округлыми бедрами и пышной грудью.

Я закусила губу. То ли от зависти, которую всегда испытывала к ней. То ли чтобы сдержать колкость, которая рва-

лась наружу из-за тех же самых чувств.

Остаток дня мы провели в тишине. Не то чтобы мы любили много поговорить, просто так Кас хотя бы предупреждала меня о яме, которую стоит обойти. А потом мы раздумывали, как она могла там появиться. Или она рассказывала о каком-нибудь владельце таверны, который в очередной раз решил, что сможет получить от неё хоть толику внимания.

Я не сильно страдала от этого молчания, ведь могла побыть наедине со своими мыслями. Прокрутить в голове тех, кого было сложно вызволять или тех, кого мне не понравилось вытаскивать с пограничного мира. Однако когда подруга принципиально молчала о мелких опасностях — приходилось самой следить за дорогой, не расслабляясь. Так было и в детстве, её забота заканчивалась ровно в тот момент, когда я переходила черту. Как в тот раз, когда я сломала лодыжку, наступив на полуоткрытый люк.

Но я также знала, что когда мы разложим палатку, она уткнётся мне носом в шею и скажет:

— Ты отвратительная, знаешь это?

Я оттолкну её из-за щекотки. Но сразу же притяну обратно, соглашаясь.

Пять лет назад Кассандра потеряла мать. Ровно за день до этого они с ней поссорились. Она не успела сказать ей важных слов, не успела даже подержать за руку из-за своей гордости. Зато прекрасно потом винила себя во всех смертных грехах. Иногда мне всё ещё приходится напоминать,

что в этом нет её вины. Что её мать была, как минимум, на шестьдесят лет старше и должна была как-то сама пойти на-встречу.

С тех пор я стала тем, кого ей иногда необходимо было чувствовать рядом. К кому можно было бы прикоснуться и получить утешающие объятия в ответ.

— Извини, — прошептала я, когда каждая отвернулась в свою сторону, погружаясь в сон.

— Угу, — пробормотала она.

На утро в шатре никого не было. Я потянулась и зевнула погромче несколько раз, чтобы заявить о своём пробуждении. Костёр уже был потушен, а на маленьком походном столике стояла кружка мятного чая и тарелка с яичницей.

Я улыбнулась, корча рожицы, чтобы мышцы лица заработали. Затем умыла лицо и сделала зарядку, чтобы размять поясницу, которую ударила вчера, когда упала на пятую точку. Просто не заметила, что Кас остановилась и врезалась в её железную спину.

— Ты ещё не поела, — раздался женский голос с северной стороны.

— Не ругайся, — я быстро присела и закинула кусочек в рот. — Сейчас закончу.

Она театрально вздохнула и откинулась на стульчик.

— Нам осталось шесть часов. Возможна задержка на Слейнт-арене, автобус не следует расписанию. Мы будем к обеду. Я рекомендую сначала прогуляться в округе, потому

что туда обычно приезжают туристы не только ради магазина Мэльсонов. Так мы будем выглядеть менее заметно. — Она кивнула сама себе. — Да, переодеваемся на выходе из леса. Сколько минут тебе потребуется? — Она подняла одну бровь.

В этом я тоже была хуже Кас. Не умела быстро переодеваться, как солдат, и не умела так поднимать бровь.

— Минуты три? — я прищурилась.

— Возьму в расчёт пять.

Я подняла палец вверх.

Кассандра занималась всей операцией от начала и до конца. Она принимала запросы, изучала информацию и только потом презентовала мне клиента. Ездила со мной на личные встречи, беря на себя основные расспросы. Заключала договора, выбивала лучшую оплату, я лишь ставила свой отпечаток на свёртке.

После, конечно, начиналось и моё включение, ведь у меня были знания. Я давала задачи, найди то, узнай что говорят другие, посмотри как пробраться в зону. Но всем заведовала она, кому ещё если не ищейке я могла доверить поиск души.

Как и было запланировано, на выходе из леса я скинула в мешок свои высокие чёрные сапоги, походные брюки с карманами, идеально подходящими мне по размеру. Я только добралась до верха, когда взглянула на свою спутницу. Кассандра стояла, прислонившись к дереву. Её зелёная блузка с открытыми плечами и длинными рукавами-фонтан подчер-

кивала линию декольте, а длинная чёрная юбка на запах визуально уменьшала талию и придавала росту и так длинным ногам. Рыжие волосы она распустила, заправив пару прядей за ухо.

— Выглядишь невинно, — сказала я.

— Как и задумывалось, — она похлопала голубыми глазами.

— Слишком яркие, — я кивнула в сторону её глаз, пока стягивала с себя футболку.

— Зато отвлекут внимание, — она пожала плечами, отворачиваясь.

Я стояла нагишом и искала в мешке нижнее бельё нормальных людей: неудобное, но красивое.

— Да ладно уж, не стесняйся, смотри. С тобой же говорю, — я сжала губы, пытаюсь скрыть усмешку. — Если серьёзно, образ получился слишком ярким, если там будет кто-то из ливцов⁵, тебя раскроют.

— Они слишком дорогие, и их единицы, — она оттолкнулась от дерева и подошла ближе, чтобы помочь мне протиснуться в платье.

— Хотя бы волосы сделай просто тёмными. Чем тебе не нравятся шатенки? — я широко улыбнулась, намекая на себя.

— О, тебе лучше не знать, — она убрала ворсинку у меня

⁵ Ливец — человек способный распознавать ложь и истинный образ собеседника. Редчайшая, сильная, малоизученная магия.

с плеча и сделала два шага назад. — Подходит, — заключила напарница, осмотрев меня с ног до головы.

Я стояла там на холодной грязной земле в бежевом платье, утягивающем талию и подчеркивающим изгибы тела, не столь выдающегося, как у Кас, но всё же. Руки и грудь были закрыты, а ткань струилась до самого пола. Просто, но элегантно.

— На каблуках я буду медленнее, — начала я.

— Зато привлечешь меньше неправильного внимания. Взгляни на себя, словно любительница посидеть в библиотеке.

Я еле подавила смехок. Книги я любила, но библиотеки вызывали у меня тошноту. Наверное, потому что проводила там слишком много времени, когда искала информацию.

— Давай мешок, — я протянула руку, чтобы спрятать оба наших снаряжения. — Ой, — выдала я, когда взяла его. — И как ты таскаешь такую тяжесть постоянно.

Она лишь пожала одним плечом.

Я не преувеличивала, когда говорила, что Кас берёт на себя всю заботу. Все наши принадлежности обычно лежат в её сумке, не моей. Включая матрас для сна. Благо благодаря знаниям мы обе могли переложить большой предмет в маленькое пространство.

Я отошла, чтобы Кас не видела, где я прячу оба мешочка и не смогла выдать, если вдруг кого-то из нас поймают. За себя я не переживала, бабушка в детстве наложила на меня

чары безмолвия и лишь те, кому я доверяю, могут получить от меня нужную, а иногда и не очень, информацию.

Я отряхнула руки, когда закончила и это стало сигналом для подруги, что пора выдвигаться. Мы незаметно вышли из леса на основную дорогу и добрались до остановки.

— Ты слышала, — начала я наш спектакль. — Говорят, в семье Арчеров украли душу Хьюго. Так странно, он только на прошлой неделе выходил в эфир, — я надула губы.

Справа от нас стояли три девушки лет двадцати, только одна из них глянула, а потом отвернулась обратно к своим знакомым.

— Но ты же знаешь, для обычных смертных это станет видно только через два года, когда тело высохнет без души.

Мужчина слева со своей семьей отошли чуть подальше, прежде чем он пожурил нас:

— Можно же не при детях говорить про это.

Я фыркнула.

— Ну а что, он ведь и правда будто похудел.

— Да, — воскликнула невысокая девушка из той тройки. Две другие тоже подошли и окружили нас с Кассандрой.

— Мне тоже показалось, что его рубашка была великовата.

— Да ладно вам, вдруг он просто решил сменить образ, — сказала Кас.

Мы непроизвольно улыбнулись друг другу, радуясь, что всё идет по плану.

Всю поездку до старой деревни мы провели, болтая с этими девушками. Как я и предположила им было по двадцать лет, студентки, будущие целительницы. Мы же представились четверокурсницами технического университета.

Может, для других это было не очень заметно, но мне казалось, мы выглядели старше. Хотя далеко не по каждому можно было определить возраст. Пока ты ребёнок всё предельно ясно. Но стоит тебе физически достигнуть зрелости — границы стираются. Мужчина в пятьдесят будет выглядеть так же, как в двадцать пять. И только за десять лет до кончины его тело начнёт увядать. Сначала выпадут волосы, это можно скрыть, надевая парики. Но когда за год до неизбежной даты кости начнут ломаться от простого ушиба — совладать со своим возрастом не получится. Останется только ожидать.

Каждому человеку дано сто лет на жизнь. Ты умрёшь ровно в тот же день и час, в который родился сто лет тому назад. Мне вот осталось шестьдесят девять лет, семь месяцев и два дня. Кассандре на год меньше. Если нас никто не прикончит на одном из заказов.

Иногда люди умирают раньше, тогда их родные могут призвать таких элант, как я и запросить воскрешение души. И если при жизни человек давал на это согласие, а тело сохранилось — многие эланты берутся за это.

Я только однажды воскрешала душу и мне чертовски не понравилось. Пробираться сквозь толщи материи, чтобы из

миллиона найти ту самую — та ещё задачка. Но, наверное, если практиковаться, можно успешно справляться с такими запросами.

Я даже не согласилась воскрешать мать Кассандры. В частности, потому что миссис Стейн Ди Ган при жизни не выражала желания на возвращение в наш мир при неожиданной гибели. У меня же почти не было опыта работы с согласными душами, а, призвав несогласную, я сама могла иссохнуть как водоём. Мои силы не вечны, особенно если пренебрегать правилами.

Но тот взгляд Кас я никогда не забуду. Словно я предала её. Я понимала, что ей просто хочется загладить вину перед матерью. И во мне она видела тот единственный шанс. Но это всё равно иногда снится мне во сне, напоминая о том, кто я такая на самом деле.

Неместерия, не принявшая зов. Эланта, вызволяющая души только за плату, никакой благотворительности. Ливец, скрывающий это ото всех. Во мне смешалось столько всего, что порой только благодаря этой работе я могу сконцентрироваться на одной силе и наконец понять себя.

— Правда, Мара? — Кас толкнула меня в плечо.

— Да, девочки, я думаю это всё пиар-ход, потому что после женитьбы внимание к их семье угасло.

Теперь мы обсуждали Кортьеров, в прошлом году их старший сын женился на дочери владельца железной дороги на севере. Меня в обычное время это не интересовало, но для

некоторых заданий приходилось наблюдать за высшими особами, транслирующими свою жизнь направо и налево. Будто без внимания их семьи исчезнут, испарятся.

Когда автобус наконец приехал, мы вывалились следом за девочками и Кас придумала отговорку, почему мы пойдем в другом направлении. Я направилась вдоль улиц, все дома здесь были выполнены из дерева твёрдых пород. Каждый не выше двух этажей, красивые расписные двери и окна с резными откосами чудесно смотрелись на них. Так и не скажешь, что в одном из таких домов живёт человек, заказавший украсть душу наследника Арчеров.

До сих пор я не поняла, как кому-то это удалось. Арчеры живут уже не одно столетие, и в их семейной книге есть сразу несколько заклинаний защиты. Либо у неместериев появился сильный новичок, либо дело тут не чисто. А может, кто-то был гибридом, как я, поэтому знал, как обойти заклинание.

— Через дорогу будет пекарня, нужно обязательно попробовать там сахарные пончики.

— Я не люблю сладкое.

— Я знаю, но сегодня ты Мара и ты любишь сладкое.

— Ладно, — протянула я.

Выпечка была ужасной, но я лишь мило улыбалась, раздумывая, сколько ещё таких мест мне нужно будет пройти, прежде чем оказаться в опасной точке.

— Через десять минут будем на месте, — шепнула Кас, когда мы выходили, словно опять поняла по моему виду о

чём думаю.

Стоило попытаться настроиться, но я знала, насколько непредсказуемым бывает вызволение, поэтому просто дала этой тревоге поселиться внутри, в надежде, что она поможет мне более ясно мыслить в процессе.

Наконец мы дошли до высокого, но одноэтажного здания со скошенной крышей, в длину оно занимало площадь сразу нескольких домов. Невозможно было заглянуть внутрь через большие окна, так как они были покрыты отражающей пленкой. Это было плюсом: с улицы не было лишних глаз, всего лишь нужно обойти всех тех, кто внутри.

Я сконцентрировалась на силе и прощупала её готовность.
— Давай скорее зайдем, я давно хотела купить ту книгу,
— звонко произнесла я, давая сигнал для Кассандры.

Она открыла одну створку двойной двери и пропустила меня вперёд. Внутри был приглушённый свет, пахло деревом, книгами и дымком. Видимо кто-то жёг благовония.

Плохо, плохо. Это значило, что за местом следят. Но отступать уже некуда, поэтому я прошлась взглядом по макушкам других покупателей: кто-то стоял возле стеллажей с учебниками по раскрытию магии, кто-то возле прилавка выбирал украшения для обложек. Людей было много, даже слишком. Все перетекали от одной полки к другой, и нам пришлось быстро влиться в этот поток, чтобы не выглядеть слишком наблюдательными. Фиолетовые стены придавали пространству ещё больше зловещности, но кроме меня, ка-

жется, это никого не смущало.

Между стеллажами стояли коробки, лестницы, предметы интерьера, какие-то канделябры, я даже не думала, что их до сих пор используют. И...